

Сказки дервишей

Автор:

Идрис Шах

Сказки дервишей

Идрис Шах

В эту книгу вошли истории, записанные в последнее тысячелетие, взятые из учений суфийских мастеров разных школ.

Источниками для составления послужили произведения персидских, арабских, турецких и других классиков, традиционные собрания историй и устное наследие современных суфийских учебных центров.

Таким образом, в этой книге представлен "рабочий материал", используемый в наше время, а также важные отрывки из литературы, вдохновившие некоторых величайших суфиев прошлого.

Идрис Шах

Сказки дервишей

Моим учителям, которые взяли то, что было дано, которые дали то, что могло быть взято.

Предисловие

В эту книгу вошли истории, записанные в последнее тысячелетие, взятые из учений суфийских мастеров разных школ.

Источниками для составления послужили произведения персидских, арабских, турецких и других классиков, традиционные собрания историй и устное наследие современных суфийских учебных центров.

Таким образом, в этой книге представлен "рабочий материал", используемый в наше время, а также важные отрывки из литературы, вдохновившие некоторых величайших суфиев прошлого.

В оценке учебного материала, используемого суфиями, всегда учитывалось исключительно только всеобщее признание его самими суфиями. Вследствие этого ни исторический, ни литературный, ни какой-либо другой критерии не подходят для того, что должно быть включено в него, а что нет.

Сообразуясь с требованиями учений, местной культурой и уровнем подготовки слушателей, и требованиями учений, суфии традиционно применяли подходящий материал, черпая его из неиссякаемой сокровищницы своего духовного наследия.

В суфийских кружках ученики обычно погружаются в изучение предназначенных им рассказов, внутренние измерения которых открываются обучающим мастером, когда кандидат признается подготовленным к восприятию того опыта, который в этих рассказах заложен.

В то же время многие суфийские истории стали достоянием фольклора и этических учений или проникли в биографии великих суфиев. Большинство из них приносят пользу на самых различных уровнях и их ценность как развлекательных произведений также невозможно отрицать.

Несмотря на то, что дервишские сказки чрезвычайно привлекают читателей как откровенно развлекательная литература, они, тем не менее, никогда не преподносятся в виде простых басен, легенд и произведений фольклора. По остроумию, композиции и тонкости эти сказания выдерживают сравнение с прекраснейшими произведениями любой культуры, и все же их истинная функция как суфийских обучающих историй так мало известна в современном

мире, что ни в специальных, ни в обычных терминах ее невозможно объяснить.

На протяжении веков дервишские мастера обучали своих учеников, используя подобные истории, которые, как предполагается, способствуют развитию восприятия, недоступного обычным людям. Некоторые истории должны рассказываться только тем, кто уже получил определенную подготовку; другие специально предназначались для людей определенных эпох и культурных традиций.

Идрис Шах много лет провел в путешествиях по трем континентам, собирая и сличая устные варианты этих замечательных рассказов. В той или иной форме многие из них проложили себе путь в литературу Востока и Запада. Настоящая антология, составлена в дервишской манере и содержит истории из сборников дервишских мастеров.

Три рыбы

Некогда в одном пруду жили три рыбы. Первая рыба была самой хитрой, вторая была попроще, а третья – совсем глупая. Жили они очень хорошо и спокойно, как живут все рыбы на свете, но вот однажды пришел человек.

Человек принес с собой сеть, и пока он ее разворачивал, умная рыба глядела на него сквозь воду и размышляла. Она лихорадочно перебирала в уме весь свой жизненный опыт, все истории, которые ей когда-либо довелось услышать, призвала на помощь всю свою смекалку, и тут ее осенило: "В этом пруду нет такого места, куда можно было бы спрятаться, – подумала она, – поэтому лучше всего притвориться мертвой".

Собрав все свои силы, она, к немалому изумлению рыбака, выпрыгнула прямо к его ногам. Рыбак поднял ее, но так как хитрая рыба задержала дыхание, он подумал, что она сдохла, и выкинул ее обратно в воду. Рыба тут же забилась в ложбинку под берегом у самых ног рыбака.

Вторая рыба, та, что была попроще, не совсем поняла, что произошло. Она подплыла к хитрой рыбе за объяснениями.

– Просто я притворилась мертвой, вот он и бросил меня обратно в воду, – растолковала ей хитрая рыба.

Простодушная рыба, не мешкая, выпрыгнула из воды и тоже плюхнулась прямо к ногам рыбака. "Странно, – подумал рыбак, – рыбы здесь сами выскакивают из воды". Но так как вторая рыба позабыла задержать дыхание, рыбак увидел, что она жива, и засунул в свою сумку.

Он снова повернулся к воде, но зрелище выпрыгивающих на сушу рыб так потрясло его, что он не подумал застегнуть сумку. Вторая рыба, воспользовавшись его невнимательностью, выбралась наружу и где ползком, где прыжком устремилась к воде. Она отыскала первую рыбу и, тяжело дыша, устроилась возле нее.

Третья, глупая рыба, не могла понять, что к чему, даже после того, как выслушала объяснение первых двух рыб. Тогда они по порядку перечислили ей все обстоятельства, обращая особое внимание на то, как важно задержать дыхание, чтобы казаться мертвой.

– Благодарю вас, теперь я все поняла, – радостно ответила глупая рыба.

С этими словами она с шумом выпрыгнула из воды, упав рядом с рыбаком.

Рыбак, раздосадованный тем, что упустил двух рыб, упрятал эту рыбу в сумку, даже не потрудившись взглянуть, дышит она или нет. Сумку на этот раз он плотно застегнул. Снова и снова закидывал рыбак свою сеть, но первые две рыбы не покидали своего укрытия, и сеть оказывалась пустой.

Наконец, он решил отказаться от своей затеи и стал соби-раться в обратный путь. Открыв сумку и убедившись, что глупая рыба не дышит, он отнес ее домой и отдал коту.

Говорят, что Хусейн, внук Мухаммада, передал эту историю Хаджаганам ("Мастерам"), которые в XIV столетии стали называться Накшбандийским орденом.

Иногда действие рассказа происходит в мире, известном под именем Каратас – Страна Черного Камня.

В настоящей версии сказка стала известна благодаря Абдалю Аффифи ("Преображенный"). Он услышал ее от шейха Мухаммада Асгара.

Райская пища

Юнус, сын Адама, решил однажды не взвешивать больше свою жизнь на весах судьбы, но узнать, как и почему необходимые вещи приходят к человеку.

– Я, – сказал он себе, – человек. И я, как таковой, еже-дневно получаю свою долю от всех вещей мира. Эта доля приходит ко мне благодаря моим собственным усилиям вместе с усилиями других. Упростив этот процесс, я найду способ, которым питание достигает людей и узнаю кое-что о "как и почему". Поэтому я стану на путь религии, который обязывает человека для поддержания самого себя положиться на всемогущего Бога. Чем жить в мире беспорядка, где пища и прочие вещи явно приходят через общество, я отдам себя непосредственной поддержке Силы, которая правит всем. Ведь даже нищие зависят от посредников – милосердных мужчин и женщин, в свою очередь подверженных вторичным влияниям. Они дают продукты или деньги потому, что их научили так делать. Не стану я принимать таких опосредованных поступлений.

Сказав так, он вышел за город, вверив себя поддержке сил невидимых с той же решительностью, с какой принимал поддержку видимых сил, будучи школьным учителем.

С наступлением ночи Юнус улегся прямо на землю, веря, что Аллах полностью позаботится о его интересах так же, как птицы и звери получают свою долю заботы в их царстве.

Птичий хор разбудил его на рассвете, и первое время сын Адама лежал в неподвижности, ожидая появления поддержки. Несмотря на то, что он положился на невидимую силу и на свою уверенность в том, что сможет разобраться в ней, когда она начнет действовать, в его новом положении, он

осознал вскоре, что одно только теоретическое размышление в этой необычной ситуации не очень-то ему поможет.

Весь день он провел, лежа на берегу, наблюдая природу, глядя на рыб в воде и повторяя свои молитвы. Время от времени мимо него проезжали богатые могущественные люди в великолепных одеждах, сопровождаемые верховыми на превосходных лошадях. Повелительно звенели колокольчики, извещая об их абсолютном праве на путь, они же лишь выкрикивали приветствия при виде почтенного тюрбана Юнуса. Группы паломников останавливались и жевали сухой хлеб с сухим сыром. Это только разжигало его аппетит к скудной пище.

– Это всего-навсего испытание, и скоро все будет хорошо, – подумал Юнус, творя пятую молитву за этот день и погружаясь в размышления тем способом, которому его научил один дервиш, достигший высокого развития сознания.

Прошла еще одна ночь.

На второй день, через пять часов после рассвета, в то время, как Юнус сидел, глядя на отражающиеся в могучем Тигре лучи солнца, его внимание привлек какой-то шорох в камышах. Это оказался пакет, завернутый в листья и перевязанный пальмовым лыком. Юнус, сын Адама, вошел в реку и стал владельцем неизвестного груза.

Весил он около трех четвертей фунта. Когда же он развязал лыко, в нос ему ударил восхитительный запах. В свертке оказа-лось изрядное количество багдадской халвы. Эта халва, приготов-лявшаяся из миндальной пасты, розовой воды, меда, орехов и других драгоценных элементов, ценилась благодаря своему вкусу и питательности. Из-за приятного вкуса красавицы гарема вкушали ее маленькими кусочками, из-за укрепляющей силы воины брали ее с собой в сражения. Она пользовалась большим спросом и как целебное средство от сотен болезней.

– Моя вера оправдалась! – воскликнул Юнус. – А теперь проверим, будет ли вода каждый день или через другие про-межутки времени приносить мне столько же халвы или нечто подобное; тогда я узнаю средство, предопределенное провидени-ем для моей поддержки, и тогда мне останется употребить свой разум на поиски источника.

В течение трех следующих дней, точно в тот же час, пакет с халвой приплывал в руки Юнуса. Тогда он решил, что его открытие имеет первостепенное значение. "Упрощай свои обстоятельства, и природа поступит примерно так же". Одно это уже было открытием, которое он чувствовал себя обязанным разделить с остальным миром. Ибо разве не было сказано: "Когда ты знаешь, ты должен учить?" Но затем он понял, что еще не знает, но только испытал. Было очевидно, что следующий шаг – это идти вверх по течению, пока не отыщется то место откуда приплывает халва. Тогда он поймет не только ее происхождение, но и то, каким образом она давалась для использования именно ему.

Много дней подряд шел Юнус вверх по течению реки. Каждый день с той же регулярностью, но соответственно в более раннее время, появлялась халва, и он съедал ее.

Наконец, Юнус увидел, что река значительно расширилась и посреди широкого пространства воды возвышается плодородный остров, на котором стоял массивный, но все же удивительно красивый и изящный замок. "Именно оттуда и происходит райская пища", – решил Юнус.

Обдумывая следующий шаг, Юнус заметил высокого неопрятного дервиша со спутанными волосами, отшельника, представшего пред ним в плаще из разноцветных лоскутьев.

– Мир тебе, баба (Отец)! – приветствовал его Юнус.

– Ишк, Ху! – воскликнул отшельник. – Ты что тут делаешь?

– Я следую священному обету, – объяснил сын Адама, – и в своем поиске я должен достичь вон того замка. Не подскажешь ли мне, как это можно выполнить?

– Поскольку, несмотря на свой интерес, ты ничего не знаешь об этом замке, – отвечал дервиш, – я расскажу тебе о нем. Там в изгнании и заточении живет дочь султана; ей прислуживают многочисленные прекрасные слуги, которые охраняют ее. Ей не вырваться оттуда, так как человек, который схватил и поместил ее туда за то, что она отказалась выйти за него замуж, воздвиг вокруг замка могучие и необъяснимые преграды, невидимые обычным глазом. Чтобы попасть в замок, тебе придется преодолеть их.

– Как же ты можешь помочь мне в этом?

– Сейчас я отправляюсь в особое посвятельное путешествие. Однако есть некое слово и вазифа (упражнение), которые, если ты достоин, помогут вызвать невидимые силы, благожела-тельных джиннов и огненных созданий. Только они смогут победить волшебные силы, охраняющие замок. Мир тебе! – И, повторив на прощание странные звуки, он ушел, передвигаясь с легкостью и проворством, поистине изумительными для человека столь почтенного возраста.

День за днем сидел Юнус, исполняя все вазифа и следя за появлением халвы. И вот однажды вечером, глядя на заходившее солнце, сиявшее на башне замка, он увидел необычайное зрелище. Там, блистая удивительной красотой, стояла дева, которая, бесспорно, могла быть только принцессой. Она постояла мгновенье, устремив взгляд на солнце, а затем бросила что-то в волны, бившиеся о скалы далеко внизу – пакет с халвой.

– Так вот где, оказывается, источник этих щедрых даров! – вскричал Юнус.

Теперь он был почти на самом пороге истины. Рано или поздно появится повелитель джиннов, которого он вызывал дервишским вазифа, и даст ему возможность достичь замка, принцессы и истины.

Только он подумал об этом, как вдруг его что-то подхватило и понесло. Он оказался в небесах, перед ним предстало эфирное царство с множеством дворцов, от красоты которых захватывало дух. Сын Адама вошел в один из них и встретил создание, похожее на человека, которое, однако, не было человеком, на вид юное и мудрое, и, каким-то образом, далекое от всякого возраста.

– Я, – проговорило видение, – повелитель джиннов, и принес тебя сюда в ответ на твой призыв и повторение великих имен, которые были даны тебе великим дервишем. Что я могу для тебя сделать?

– О могучий повелитель всех джиннов, – дрожащим голо-сом проговорил Юнус, – я искатель истины и смогу найти ее только в заколдованном замке, возле которого я стоял, когда ты принес меня сюда. Молю тебя, дай мне силы войти в этот замок и поговорить с принцессой.

– Да будет так! – прогремел повелитель. – Но помни, человек получает ответ на свои вопросы в соответствии со способностями к пониманию и своей подготовкой.

– Истина есть истина, – сказал Юнус, – и я получу ее вне зависимости от того, чем она может оказаться. Подари мне это благо.

Вскоре сын Адама, благодаря волшебству джинна, мчался в бестелесной форме обратно на землю, сопровождаемый небольшим отрядом из слуг джинна, которым их повелитель приказал применить свои особые силы, чтобы помочь этому человеческому существу в его поиске. В руке Юнус сжимал зеркальный камень, который, как учил его глава джиннов, нужно направить на замок, чтобы иметь возможность увидеть незримую защиту.

С помощью этого камня сын Адама обнаружил, что замок защищен от нападения строем гигантов, невидимых, но грозных, поражавших всякого, кто приближался к замку. Те из джиннов, которые подходили для этой задачи, убрали гигантов. Затем он увидел, что над всем замком простирается нечто, похожее на невидимую паутину или сеть. Эта сеть тоже была разрушена джиннами, обладавшими необходимой хитростью. Наконец, невидимая, как бы каменная толща заполняла пространство от берега реки до самого острова, ничем не выдавая своего присутствия. Преодолев и эту преграду, джинны отсалютовали Юнусу и быстро, как свет, улетели в свое царство.

Юнус взглянул и увидел, что из речного берега сам собою появился мост, и, даже не замочив подошвы, он прошел по нему к самому замку. Стражник у ворот тут же отвел его к принцессе, которая оказалась еще прекрасней, чем при своем появлении на башне, когда Юнус впервые увидел ее.

– Мы благодарны тебе за разрушение защиты, которая делала неприступной эту темницу, – сказала принцесса. – Теперь я наконец-то смогу вернуться к отцу, но прежде мне бы хотелось вознаградить тебя за твои труды. Говори, и ты получишь все, что пожелаешь.

– Несравненная жемчужина, – начал Юнус, – лишь одного я ищу, и это есть Истина. Так как долг всех, обладающих истиной, давать ее тем, кто может воспринять ее, я заклинаю вас, о принцесса, дайте мне истину, которую я жажду.

– Что ж, говори, и любая истина, по возможности, будет дана тебе.

– Прекрасно. Скажите, как и в силу каких причин райской пище, чудесной халве, которую вы бросали каждый день, пред-определено было попадать в мои руки таким образом?

– Юнус, сын Адама! – воскликнула принцесса, – халву, как ты ее называешь, я бросала каждый день потому, что на самом деле это остаток косметических материалов, которыми я ежедневно натиралась после купания в ослином молоке.

– Наконец-то я узнал, – сказал Юнус, – что понимание человека обусловлено его способностью понимать. Для вас – это остатки ежедневного туалета, для меня – райская пища.

Лишь очень немногие из суфийских сказаний, согласно Халкави (автору "Райской пищи"), могут читаться любым в любое время и, тем не менее, конструктивно воздействовать на его "внутреннее сознание".

"Почти все другие, – говорит он, – способны проявлять свое влияние в зависимости от того, где, когда и как они изучаются. Таким образом, большинство людей найдет в них только то, что они ожидают, – развлечение, загадку, аллегорию".

Этот знаменитый Учитель школы Накшбандийа часто вызывал недоумение многих своих последователей самых различных вер и происхождений, ибо о нем ходили рассказы, связанные со странными явлениями. Говорили, что он являлся людям в снах и сообщал им важные вещи, что его видели во многих местах сразу, что то, что он говорит, всегда идет на пользу слушающему. Но когда люди встречались с ним лицом к лицу, они не могли найти в нем ничего необычного.

Юнус, сын Адама, обладавший целительскими и изобретательскими способностями, был сирийцем.

Как изменилась вода

Однажды Хызр, учитель Моисея, обратился к человечеству с предостережением.

– Наступит такой день, – сказал он, – когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, исчезнет. Затем ей на смену появится другая вода, и от нее люди сойдут с ума.

Лишь один человек понял смысл этих слов. Он набрал большой запас воды, и спрятал его в надежном месте и стал поджидать, когда вода изменится.

В предсказанный день иссякли все реки, высохли колодцы, и тот человек, удалившись в свое убежище, стал пить из своих запасов.

Но вот прошло какое-то время, и он увидел, что реки возобновили свое течение. Он спустился к другим сынам человеческим и обнаружил, что они говорят и думают совсем не так, как прежде, и что произошло то, о чем их предостерегали, но они не помнили об этом. Когда же он попытался заговорить с ними, то понял, что его принимают за сумасшедшего и выказывают к нему враждебность, либо сострадание, но никак не понимание.

Поначалу он совсем не притрагивался к новой воде и каждый день возвращался к своим запасам. Однако в конце концов он решил пить новую воду, так как его поведение и мышление, выделявшее его среди остальных, сделали жизнь невыносимо одинокой. Как только он выпил новой воды и стал таким, как все, он совсем забыл о своем запасе воды, а окружающие его люди стали смотреть на него как на сумасшедшего, который чудесным образом излечился от своего безумия.

Легенду эту неоднократно связывали с Дун-Нуном Египетским, который считается автором этой сказки. Предполагают, что эта сказка связана по меньшей мере с одной из форм вольного братства Каменщиков. Во всяком случае Дун-Нун – самая ранняя фигура в истории дервишей ордена Маламатийа, который, как часто указывалось западными исследователями, имел поразительное сходство с братством масонов. Считают, что Дун-Нун раскрыл значение фараонских иероглифов.

Этот вариант рассказа приписывается сейиду Сабиру аль-Шаху, святому из ордена Чиштийа.

Сказание о песках

Река, начав путь от источника в далеких горах, миновав разнообразнейшие виды и ландшафты сельской местности, достигла, наконец, песков пустыни. Подобно тому, как она преодолела все другие преграды, река попыталась одолеть и эту, но вскоре убедилась, что по мере продвижения в глубь песков, воды в ней остается все меньше и меньше.

И хотя не было никакого сомнения, что путь лежит через пустыню, положение казалось безвыходным.

Но вдруг таинственный голос, исходящий из самой пустыни, прошептал:

- Ветер пересекает пустыню, и река может пересечь ее тем же путем.

Река тут же возразила, что она лишь мечется в песках и только впитывается, а ветер может летать и именно поэтому ему ничего не стоит пересечь пустыню.

- Тебе не перебраться через пустыню привычными, испытанными способами. Ты либо исчезнешь, либо превратишься в болото. Ты должна отдаться на волю ветра, и он доставит тебя к месту назначения.

- Но как это может произойти?

- Только в том случае, если ты позволишь ветру поглотить себя.

Это предложение было неприемлемо для реки. Ведь, в конце концов, никто и никогда не поглощал ее, да она и не собиралась терять свою индивидуальность. Ведь, потеряв ее однажды, как сможет вернуть ее когда-нибудь снова?

- Ветер, - продолжал песок, - именно этим и занимается. Он подхватывает воду, проносит ее над пустыней и затем дает упасть ей вновь. Падая в виде дождя, вода снова становится рекой.

- Но как я могу проверить это?

- Это так, и если ты не веришь этому, то не сможешь стать ничем иным, кроме затхлой лужи, и даже на это уйдут многие и многие годы; а ведь это, согласишься, далеко не то же самое, что быть рекой.

- Но как же я смогу остаться такой же, какой я являюсь сегодня?

- Ни в том, ни в другом случае ты не сможешь остаться такой же, - отвечал шепот. - Переноситься и вновь становиться рекой - твоя суть. И даже свою теперешнюю форму существования ты только потому принимаешь за самое себя, что не знаешь, какая часть в тебе является существенной.

В ответ на эти слова что-то шевельнулось в мыслях реки. Смутно припомнила она состояние, в котором то ли она, то ли какая-то ее часть - но так ли это? - что эта хотя не всегда очевидная, но вполне реальная вещь выполнима.

И речка отдалась в дружелюбные объятия ветра, легко и нежно подхватившего ее и умчавшего вдаль за много-много миль. Достигнув горной вершины, он осторожно опустил ее вниз. А, поскольку у реки были сомнения, она смогла запомнить и запечатлеть в своей памяти более основательно подробности этого опыта.

- Да, теперь я узнала свою истинную сущность, - размышляла река.

Река узнавала, а пески шептали:

- Мы знаем это, потому что день за днем это происходит на наших глазах и поскольку из нас, песков, и состоит весь путь от берегов реки до самой горы.

Вот почему говорят, что тот путь, которым должен пролиться поток жизни в своем путешествии, осуществляя свою непрерывность, записан на песке.

Эта прекрасная история входит в устную традицию многих народов и почти всегда находится в обращении среди дервишей и их учеников. Она была использована в "Мистической розе из королевского сада" сэра Фэрфакса Картрайта, опубликованной в Англии в 1899 году.

Настоящий вариант принадлежит Аваду Афифи Тунисскому.

Слепые и слон

За горами был расположен большой город. Все его жители были слепыми. Однажды какой-то чужеземный король со своим войском расположился лагерем неподалеку от города в пустыне. В королевской армии был огромный боевой слон, прославивший себя во многих битвах. Одним своим видом он повергал врагов в трепет.

Всем жителям города не терпелось узнать, что же это такое – слон, и несколько слепцов поспешили к королевскому стану, чтобы выполнить эту задачу.

Не имея никакого понятия о том, какими бывают слоны, они принялись ощупывать слона со всех сторон.

Каждый из них, ощупав какую-нибудь его часть, решил, что теперь знает все об этом существе.

Когда они вернулись, их окружила толпа нетерпеливых горожан. Пребывая в глубоком заблуждении, слепцы страстно желали узнать правду от тех, кто сам заблуждался.

Люди наперебой расспрашивали слепых экспертов, какой формы слон, и выслушивали их объяснения.

Человек, трогавший ухо слона, сказал: "Слон – это нечто большое, широкое и шершавое, как ковер".

Но тот, кто ощупал хобот, сказал: "У меня есть о нем подлин-ные сведения. Он похож на прямую пустотелую трубу, страшную и разрушительную".

"Слон могуч и крепок, как колонна", – возразил другой, ощупавший ногу и ступню слона.

Каждый из них ощупал только одну из многих частей слона. Каждый воспринял его ошибочно. Они не могли умом охватить всего: знание не бывает спутником слепцов. Все они что-то додума-ли о нем, но были одинаково далеки от истины. Созданное умом не ведает о божественном. Нельзя проложить пути в этой науке с помощью обычного интеллекта.

Эта история приводится в переложении Руми – "Слон в темной комнате" и взята из его книги "Месневи". Учитель Руми, Хаким Санаи, приводит эту же сказку в более раннем варианте в первой книге своего суфийского классического произведения "Окруженный стеной сад истины".

У обоих авторов история обращается к одному и тому же аргументу, который, в соответствии с традицией, использовался суфийскими обучающими мастерами на протяжении многих веков.

Собака, палка и суфии

Однажды один человек в суфийской одежде шел по дороге. Встре-тив на пути собаку, он сильно ударил ее своим посохом. Пес, завизжав от боли, побежал к великому мудрецу Абу Саиду. Кинувшись к нему в ноги и выставив пораненную лапу вперед, он все рассказал и попросил быть судьей между ним и тем суфием, который обошелся с ним столь жестоко.

Мудрец призвал к себе обоих. Он сказал суфию:

– О, безголовый! Как посмел ты так поступить с бессловесной тварью?!

Посмотри, что ты натворил!

– Я тут не причем, – возразил суфий, – во всем виновата собака.

Ударил я ее не из простой прихоти, а потому, что она запачкала мою одежду.

Но пес все же считал себя несправедливо обиженным, и тогда несравненный мудрец сказал ему:

– Чтобы тебе не хранить обиду до Великого Суда, позволь мне дать тебе компенсацию за твои страдания.

Собака ответила:

– О мудрый и великий! Когда я увидела этого человека в одежде суфия, я подумала, что он не причинит мне вреда. Если бы я увидела, что он в обычной одежде, я, разумеется, постаралась бы его обойти. Единственная моя вина в том, что я предположила, будто внешние атрибуты служителя истины – гарантия безопасности. Если ты желаешь его наказать, отбери у него одеяние избранных, лиши его права носить костюм человека праведности...

Собака сама находилась на определенной ступени Пути. Было бы ошибкой думать, что человек должен быть лучше ее.

"Обусловленность", изображенная здесь дервишским одеянием, часто принимается эзотеристами и религиозными людьми всякого рода как нечто, связанное с реальным опытом или обладающее самостоятельной ценностью.

Эта сказка взята из "Иллахи Намаз" Аттара ("Божественной книги"), часто повторяется дервишами, идущими "путем позора", и приписывается Камдулу, белильщику, жившему в IX столетии.

Как ловить обезьян

Одна обезьяна очень любила вишни. Однажды, сидя на дереве, она увидела на земле восхитительные вишни и спустилась вниз, чтобы достать их. Но вишни

лежали в прозрачной стеклянной банке. После нескольких неудачных попыток заполучить вишни обезьяна, наконец, догадалась просунуть руку в горлышко сосуда. Зажав одну вишню в кулаке, она хотела вытащить руку, но не смогла, потому что ее кулак оказался шире отверстия сосуда.

Разумеется, все это было сделано умышленно и вишни в сосуде были ловушкой, устроенной ловцом обезьян, который знал, как мыслят обезьяны.

Услышав обезьяний визг, охотник вышел из своего укрытия. Испуганная обезьяна попыталась удрать. Но ее рука застряла в сосуде, и она потеряла способность быстро передвигаться.

К тому же, и это охотник знал заранее, обезьяна продолжала судорожно сжимать вишню в руке. Таким образом, он без труда ее схватил. Затем он резко ударил ее по локтю, отчего ее кулак разжался, и она выпустила вишню.

Обезьяна высвободила руку, но была поймана. Охотник использовал вишню в сосуде, но не лишился ни того, ни другого.

Это одна из многих традиционных историй, которые объединены под общим названием "Книга Аму-Дарьи".

Река Аму, или Джихун, в Центральной Азии известна современным картографам как Оксус. Это дервишский термин (что представляет собой камень преткновения для некоторых буквалистов) для обозначения материала, описанного в этой истории, а также для обозначения группы странствующих учителей, центр которых расположен возле Аубшаура в горах Гиндукуша на территории Афганистана.

В настоящей версии история была рассказана ходжой Али Рафитани.

Древний сундук Нури Бея

Нури Бей был вдумчивым и уважаемым афганцем и был женат на женщине гораздо моложе его.

Однажды вечером, когда он возвратился домой раньше обычного, к нему подошел его преданный слуга и сказал:

– Ваша жена, моя госпожа, ведет себя подозрительно. Она находится сейчас в своей комнате. Там у нее огромный сундук, принадлежавший раньше вашей бабушке, который достаточно велик, чтобы вместить человека.

– В нем обычно хранились только старые кружева.

– Я думаю, сейчас в нем есть что-то еще. Она не позволила мне, вашему старому слуге и советчику, заглянуть в него.

Нури вошел в комнату жены и нашел ее чем-то обеспокоенной, сидящей перед массивным деревянным сундуком.

– Не покажешь ли ты мне, что в этом сундуке? – спросил он.

– Это из-за подозрений слуги или потому, что вы мне не верите?

– Не проще ли будет взять да открыть сундук, не думая о том, чем это вызвано?

– Мне кажется, это невозможно.

– А он заперт?

– Да.

– Где ключ?

Она показала ключ и сказала:

– Прогоните слугу, и вы его получите.

Нури приказал слуге выйти, женщина протянула ему ключ, а сама удалилась, явно смущенная.

Долго размышлял Нури Бей. Затем он позвал четырех садовников из числа своих слуг. Ночью они вместе отнесли сундук в отдаленную часть сада и закопали его, не открывая.

И с тех пор – об этом ни слова.

Много раз подчеркивалось, что эта захватывающая история обладает внутренней значимостью, независимо от своей внешней морали.

Эта притча входит в репертуар каландаров (бродячие дервиши).

Их святой покровитель – Юсуф из Андалузии – жил в XIII веке.

Раньше их было много в Турции. Немного расширенный вариант притчи стал известен в Америке благодаря книге "Ночи Стамбула" Н. Г. Двайта, опубликованной в США в 1916 и 1922 годах.

Три истины

Суфии известны как искатели истины, а истина есть ни что иное, как знание объективной реальности.

Один невежественный и жадный тиран захотел однажды заполучить эту истину. Его звали Рударигх (Родериго), он был великий лорд Мурсии в Испании. Он решил, что истина – это нечто такое, что можно силой выпытать у Омара аль-Калави из Тарагоны.

Омар был схвачен и приведен во дворец. Рударигх сказал:

– Я приказываю тебе немедленно изложить всю истину, которую ты знаешь, понятными мне словами, а не то придется тебе распрощаться с жизнью.

Омар ответил:

– Соблюдаешь ли ты при своем благородном дворе всеобщий обычай, согласно которому арестованный должен быть отпущен на свободу, если он говорит правду в ответ на вопрос и эта правда не свидетельствует против него?

– Да, соблюдаю, – сказал владыка.

– Я прошу всех присутствующих быть свидетелями слов нашего владыки, – сказал Омар. – А теперь я скажу истину и не одну, а целых три!

– Мы должны воочию убедиться, что твои слова представляют собой действительно истину как таковую. Доказательство должно сопровождать твои слова.

– Для такого владыки, как ты, – продолжал Омар, – которому мы собираемся выдать не одну, а целых три истины, мы уж постараемся дать истины, которые будут самоочевидными.

Рударигх на этот комплимент распустил хвост веером.

– Первая истина, – сказал суфий, – состоит в том, что я есть тот, кого зовут Омар, суфий из Тарагоны. Вторая – это то, что ты согласился меня отпустить, если я скажу истину. Третья состоит в том, что ты хочешь знать истину, которая соответствует твоему пониманию.

Впечатление от этих слов было таково, что тиран был вынужден отпустить суфия.

Эта история служит введением в устные предания, которые по традиции идут от аль-Мутанаби. Рассказчики утверждают, что он запретил их записывать в течение тысячи лет.

Аль-Мутанаби, один из величайших арабских поэтов, умер тысячелетие назад.

Эта коллекция преданий отличается тем, что постоянно перерабатывается, поскольку истории из нее непрерывно рассказывают в соответствии с "изменением времени".

Султан в изгнании

Рассказывают, что однажды султан Египта призвал к себе ученых мужей и, как часто бывает в таких случаях, в собрании разгорелся спор. Предметом обсуждений было ночное путешествие Мухаммада. В предании говорится, что Пророк был вознесен со своего ложа прямо в небесные сферы. Он успел увидеть рай и ад, девяносто тысяч раз беседовал с Богом, пережил еще многое другое и возвратился на Землю в то время, когда его постель еще не остыла, а сосуд с водой, перевернувшийся при его восхождении, даже не успел полностью опустеть.

Некоторые считали это возможным благодаря различным измерениям времени. Султан же утверждал, что это совершенно невозможно.

Мудрецы уверяли, что для божественной силы все возможно. Но этот аргумент ничуть не удовлетворил монарха.

Известие об этом споре разошлось и дошло, наконец, до суфийского шейха Шаха ад-дина, который тотчас же поспешил во дворец.

Султан почтительно приветствовал Учителя и оказал ему должное гостеприимство.

– Я вижу, – сказал шейх, – что обе стороны одинаково далеки от истины. Поэтому без всяких предисловий я приведу свое доказательство: предание можно объяснить фактами, поддающимися проверке, и нет нужды прибегать к голым предположениям или скучной и беспомощной "логической аргументации".

В тронном зале было четыре окна. Шейх приказал открыть одно из них. Султан выглянул и ужаснулся: он увидел вдали на горе приближавшуюся к дворцу несметную армию.

- Не беспокойтесь, это всего лишь мираж, - сказал шейх. Он закрыл окно и открыл его снова: видение исчезло.

Когда открыли другое окно, султан в ужасе вскрикнул - весь город был объят пожаром.

- Это мираж, - напомнил шейх.

Он закрыл окно и открыл его снова - город стоял невредим.

Распахнули третье окно, и султан увидел, что жестокое наводнение грозит затопить дворец. Но и эта картина исчезла без следа, когда султан посмотрел в окно еще раз. В четвертом окне вместо обычной пустыни взору открылся райский сад, который также оказался иллюзией.

Затем шейх попросил принести сосуд с водой и предложил султану окунуть на мгновение голову в воду. Султан сделал это, но едва он коснулся лицом воды, как оказался один на пустынном берегу моря, в незнакомом месте.

Не помня себя от ярости, султан поклялся отомстить шейху за его колдовские чары.

Вскоре ему повстречались дровосеки. Они спросили его, как он здесь очутился. Не желая выдавать им своего истинного положения, он сказал, что его корабль затонул, а ему удалось спастись. Они дали ему кое-какую одежду, и он направился в город. Там какой-то кузнец, увидев его бесцельно слоняющимся по улицам, спросил его, кто он такой: "Я купец, - ответил султан, - все мои товары погибли в кораблекрушении, мне же удалось спастись, но я остался нищим и голым. А эту одежду дали мне дровосеки".

Тогда кузнец рассказал ему, что по обычаю их страны любой пришелец может сделать предложение первой женщине, выходящей из бани, и она обязана дать согласие выйти за него замуж.

Султан подойдя к бане увидел, как оттуда выходила прекрасная женщина. Он спросил ее, замужем ли она. Оказалось, что у нее есть муж. Вторая была безобразная, но, к счастью, и она оказалась замужем. И третья была замужем. Он подождал еще немного и увидел прелестную женщину. Она сказала, что у нее нет мужа, но прошла мимо него, видимо, ее оттолкнул его жалкий вид. Через некоторое время перед ним появился какой-то человек и сказал: "Меня послали отыскать здесь чужеземца в грязной одежде. Пожалуйста, следуй за мной".

Султан последовал за ним, и скоро они вошли в великолепный дом. Слуга провел его в богато убранную комнату и оставил там одного. Прошел час, и в комнату вошли четыре прекрасные женщины в роскошных одеждах, вслед за ними появилась пятая, еще более прекрасная. Султан узнал в ней ту женщину, которая ответила, что не замужем. Она приветствовала его и объяснила, что торопилась подготовить дом к его приходу и что ее холодность была всего лишь соблюдением обычая, которого придерживались все женщины этой страны на улице.

Султана одели в изумительные одежды, принесли для него изысканные яства и весь вечер услаждали его слух утонченной музыкой.

Семь лет прожил он со своей женой, пока они не растратили все ее состояние. Тогда женщина сказала, что теперь он должен обеспечить ее и семерых сыновей.

Вспомнив своего первого друга в этом городе – кузнеца, султан решил попросить у него совета. Так как султан не знал никакого ремесла, кузнец посоветовал ему пойти на базар и наняться носильщиком. Он так и поступил.

Но в первый же день работы, перетащив ужасно тяжелый груз, он заработал только одну десятую часть того, что было необходимо для пропитания его семьи.

На следующий день султан пришел к морю и отыскал то самое место, где он очутился семь лет назад, погрузив голову в сосуд с водой. Решив помолиться, он стал совершать омовение и, окунув голову, вдруг увидел, что находится в своем прежнем дворце, рядом с шейхом и придворными. Перед ним стоял сосуд с водой.

– Семь лет в изгнании, о злодей! – заорал султан, – семья, необходимость быть носильщиком! И как ты не побоялся Бога всемогущего!

– Но ведь это длилось только одно мгновение. Придворные подтвердили слова шейха, но султан не мог заставить себя поверить в это. Он уже хотел было отдать приказ о немедленной казни шейха, но тот, предвидя, что так должно было случиться, применил искусство, называемое "аль-кахайбат" (наука об исчезновении), благодаря которому в мгновение ока переместил-ся в Багдад, на много дней пути от столицы Египта.

Оттуда он прислал султану письмо:

"Семь лет прошло для тебя, как ты уже понял, в течение одного мига, пока твоя голова была в воде, – это всего лишь проявление определенных способностей, и твое переживание не имело особого значения – оно было иллюстрацией того, что может случиться.

Ты спорил о том, могла ли постель не остыть, а сосуд не опустеть, как об этом говорится в предании о пророке.

Не то важно, может что-либо произойти или не может, – все может произойти. Важно значение происходящего. Переживание Пророка имело глубокое значение, тогда как происшедшее с тобой не имело никакой ценности".

Утверждается, что любой отрывок в Коране имеет семь смыслов, каждый из которых соответствует состоянию читателя или слушателя.

Этот рассказ, как и многие другие суфийские истории подобного рода, подчеркивает изречение Мухаммада: "Говори с каждым в соответствии со степенью его понимания".

Ибрахим Кхавас формулировал суфийский метод в таких словах: "Демонстрируй неизвестное в терминах того, что называется "известным" в данной аудитории".

Настоящий вариант рассказа взят из манускрипта, называемого "Ну-нама" ("Книга Ну") – коллекция Наваба из Сурдханы, которая датируется 1597 годом.

Сказание об огне

Однажды, давным-давно, один человек по имени Нур сосредоточенно и упорно размышлял над тайнами природы и открыл секрет добывания огня.

Он решил поделиться с людьми своим открытием и отправился путешествовать от общины к общине, передавая свой секрет многим группам людей. Некоторые воспользовались этим знанием, другие, не дав себе времени подумать, каким полезным оно могло бы оказаться для них, поняли только то, что Нур опасен для них и прогнали его. В конце концов люди какого-то племени, перед которыми он продемонстрировал свое искусство, пришли в дикую панику и убили его, видя в нем исчадие ада.

Прошли века. В первой общине, где Нур некогда обучал людей добыванию огня, это знание сохранилось только у особых жрецов, пользующихся властью, богатством и теплом, в то время как остальные люди замерзали от холода. Вторая община начисто забыла искусство Нура и стала поклоняться орудиям добывания огня. Люди третьей – поклонялись образу самого Нура, так как именно он был их Учителем. В четвертой – сохранилась история открытия огня в легендах и преданиях – одни верили в них, другие нет. Пятая – действительно использовала огонь, и это позволяло им жить в тепле, готовить пищу и изготавливать разные полезные предметы.

И вот, спустя много-много лет, один мудрец с небольшой группой учеников путешествовал по землям этих племен. Ученики пришли в изумление при виде этого множества различных ритуалов, с которыми они здесь столкнулись.

– Но ведь все эти действия относятся всего лишь к добыванию огня и ни к чему больше, – сказали они Учителю. – Наш долг открыть перед этими людьми правду.

– Что ж, я согласен, – ответил Учитель, – когда мы повторим наше путешествие, то благодаря этой новой цели те из вас, кто уцелеет к его концу, узнает, каковы реальные проблемы и как их решать.

Итак, мудрец и его ученики достигли первого племени, где им оказали радушный прием. Жрецы пригласили путешественников на церемонию "сотворения огня".

Когда церемония окончилась и толпа возбужденно переживала увиденное "чудо", мастер обратился к ученикам:

- Не желает ли кто-нибудь из вас открыть этим людям правду?

Первый ученик сказал:

- Во имя истины я считаю себя обязанным поговорить с этими людьми.

- Если ты собираешься сделать это на свой собственный страх и риск, то начинай, - ответил Учитель.

Ученик вышел вперед, встал перед вождем и окружавшими его жрецами и сказал:

- Я могу совершить чудо, которое вы относите к особому проявлению божества. Если я сделаю это, признаете ли вы, что много веков уже находитесь в заблуждении?

- Хватайте его! - закричали жрецы.

Этого человека схватили и увели, и никто никогда его больше не видел.

Путешественники тронулись в путь и через некоторое время подошли к территории второй общины, где поклонялись орудиям добывания огня. Еще один ученик вызвался образумить этих людей.

С позволения мастера он сказал:

- Я хочу поговорить с вами, как с разумными людьми. Вы поклоняетесь даже не самой вещи, а всего лишь средствам, с помощью которых она может быть произведена. Таким образом, вы лишены возможности использовать эту вещь. Я знаю реальность, лежащую в основе вашего обряда.

Эта община состояла из людей более разумных, но они сказали ученику:

– Так как ты наш гость, мы почтили тебя гостеприимством. Но как пришелец, не знакомый с нашей историей и обычаями, ты не можешь понять того, что мы делаем. Ты заблуждаешься, возможно, даже пытаешься лишить нас нашей религии или изменить ее, поэтому мы даже не хотим тебя слушать.

Путешественники двинулись дальше. Достигнув земель третьей общины, они увидели перед каждым домом идола, изображающего Нура – открывателя огня.

Третий ученик обратился к руководителю общины так:

– Этот идол изображает человека, олицетворяющего собой возможность, которую человек способен использовать, не так ли?

– Может быть, это и так, – ответили почитатели Нура, – но проникнуть в эту тайну дано лишь немногим.

– Только тем немногим, кто поймет, а не тем, кто отказывается смотреть на определенные факты, – сказал третий ученик.

– Все это ересь, которую высказывает человек, даже не говорящий правильно на нашем языке и не принадлежащий к священникам, посвященным в нашу веру, – заворчали жрецы.

И этому ученику не удалось добиться успеха.

Группа продолжила свое путешествие и прибыла на территории четвертой общины. На этот раз перед собранием людей выступил четвертый ученик.

Он заявил:

– История о создании огня правдива. Я знаю, как добывать огонь.

В толпе возникло замешательство и послышались разно-голосые мнения. Некоторые говорили:

– Возможно, это правда, и если так, то мы непременно хотим узнать, как добывать огонь.

Но когда мастер и его последователи испытали их, оказалось, что большинство стремилось использовать огонь для своей личной выгоды. Они не понимали того, что огонь есть нечто необходимое для человеческого прогресса. Умы подавляющего числа людей этого племени были настолько пропитаны извращенными легендами, что те, кто воображал себя способными представлять истину как таковую, оказывались, как правило, неуравновешенными людьми, которые не смогли бы получить огонь, даже если бы им показали, как это делается.

Были и другие, которые заявляли: "Конечно, в легендах нет ничего правдивого. Этот человек просто хочет нас одурачить, чтобы занять в нашей общине высокое положение".

Третья партия говорила: "Наши легенды должны остаться такими, какие они есть, поскольку это наше наследие, соединяющее нас в единое целое. Если мы сейчас откажемся от них, а затем обнаружим, что новое толкование никуда не годно, что тогда станет с нашим обществом?"

Были также и другие точки зрения.

Итак, группа отправилась дальше и пришла, наконец, на территорию пятой общины, где разведение огня было чем-то обычным и общедоступным. Там путешественникам встретились другие испытания.

Мастер сказал своим ученикам:

– Вы должны научиться тому, как учить, ибо человек не желает, чтобы его учили. Сперва вы должны будете научить людей тому, как учиться. А перед этим необходимо объяснить им, что существует нечто такое, чему следует учиться. Люди воображают, что они уже все знают, и хотят всегда изучать то, что, как они думают, необходимо изучать, а не то, что должно быть изучено прежде всего. И только когда вы поймете все это, мы сможем создать метод обучения. Знание без специальной способности к обучению – это не то же самое, что знание и способность.

Известно, что Ахмед аль-Бедави на вопрос, что такое варвар, ответил: "Варвар – тот, чьи восприятия настолько грубы, что ему кажется, будто через ощущения и размышления он способен понять то, что можно постичь только в результате эволюции и постоянного приложения усилий на пути к Богу".

Люди смеются над Моисеем и Иисусом из-за своей абсолютной невосприимчивости, а также потому, что скрыли от самих себя истинный смысл слов и действий этих великих пророков.

Согласно дервишским сведениям, аль-Бедави был проклят за проповедь христианства мусульманам, но в то же время отвергался христианами за то, что отказался понимать буквально позднейшую христианскую догму.

Аль-Бедави основал в Египте орден Бедавийа.

Великан-людоед и суфий

Один странствующий суфийский мастер, пересекая высокие горы, где никогда не ступала нога человека, повстречался с людоедом исполинских размеров.

– Я тебя съем, – сказал великан суфию.

Суфий на это ответил:

– Прекрасно, съешь меня, если сможешь, но должен тебя предупредить, что я тебя одолею, ибо я значительно могущественней, чем ты думаешь.

– Вздор, – взревело чудовище, – ты всего лишь суфийский мастер, погруженный в духовные науки. Ты не сможешь одолеть меня потому, что я полагаюсь на свою грубую силу и я в тридцать раз больше тебя.

– Что ж, давай померимся силами, – предложил суфий, – возьми этот камень и сожми его так, чтобы из него потекла вода.

С этими словами он протянул великану обломок скалы. Великан изо всей силы сдавил камень, но воду из него выдавить не смог.

– Это невозможно, – сказал он, – потому что в этом камне нет воды.

Попробуй-ка сам.

К этому времени над землей сгустились сумерки, и мастер, воспользовавшись темнотой, незаметно достал из кармана яйцо и вместе с камнем сжал его в кулаке прямо над ладонью людоеда. Почувствовав стекающую на ладонь жидкость, великан был изумлен; ведь людей часто изумляют вещи, которым они не могут дать объяснения, и к таким вещам они начинают относиться с гораздо большим почтением, чем того требуют их собственные интересы.

– Я должен обдумать это, – сказал великан. – Пойдем, переночуешь сегодня в моей пещере.

Великан привел суфия в огромную пещеру, напоминавшую пещеру Аль ад-дина (Имеется ввиду герой известной сказки "Волшебная лампа Аладдина") обилием всякого рода вещей – все, что осталось от несметного количества жертв прожорливого гиганта.

– Ложись возле меня и спи, – сказал людоед, – а утром мы продолжим наше состязание. – Затем он улегся и тут же заснул.

Почувствовав что-то неладное, мастер тихо поднялся, соорудил из тряпок, валявшихся на полу, подобие спящего человека, а сам устроился поодаль на безопасном месте.

Только он прилег, проснулся людоед. Схватив огромную дубину, с дерево величиной, он изо всех сил семь раз ударил по пустому ложу, затем снова улегся и уснул. Мастер вернулся на свою постель и сонным голосом позвал людоеда:

– Эй, людоед! В твоей пещере удобно, но меня только что семь раз укусил какой-то комар. Ты должен что-нибудь с ним сделать.

Эти слова так потрясли и испугали великана, что он больше не решился нападать на суфию. Ведь если человека семь раз ударили изо всех сил дубиной величиной с дерево, то он...

Утром людоед кинул под ноги суфию целую бычью шкуру и сказал:

– Принеси воды, мы сварим на завтрак чай.

Вместо того, чтобы взять шкуру (которую он вряд ли смог бы поднять), мастер направился к ручью, протекавшему поблизости, и стал рыть от него небольшую канавку в направлении пещеры.

Между тем жажда так одолела людоеда, что не в силах больше ждать, он крикнул суфию:

– Почему ты не несешь воду?

– Терпение, мой друг, я сейчас подведу ключевую воду прямо к твоей пещере, чтобы тебе не пришлось больше таскаться с этой бычьей шкурой.

Но людоед не мог больше терпеть. Схватив шкуру, он в несколько прыжков оказался у источника и набрал воды сам. Когда чай был готов и людоед утолил жажду огромным количеством воды, его ум несколько прояснился и он сказал суфию:

– Если ты и впрямь такой сильный, как ты мне показал, то почему же тогда ты не смог прорыть канал быстрее и рыл его в час по чайной ложке?

– Потому, – ответил мастер, – что никакое дело не может быть сделано должным образом без минимальной затраты усилий. Для всего требуются определенные усилия, и я затратил минимум усилий, необходимых для рытья канала. К тому же я знаю, что ты существо настолько привязанное к своим привычкам, что все равно всегда будешь пользоваться бычьей шкурой.

Эту историю можно часто слышать в чайханах Центральной Азии. Она очень напоминает европейские народные сказки средних веков.

Настоящий вариант ее взят из "Маджла" – дервишской коллекции, впервые записанной Никаяти в XI столетии, как сообщается в конце манускрипта. Но в том виде, в каком история приводится здесь, она датируется XVII веком.

Купец и христианский дервиш

Один богатый купец из Тебриза приехал в Конию в поисках мудреца, который помог бы ему в его затруднениях. Побывав у религиозных руководителей, законовевов и других, он прослышал о Руми и пришел к нему.

Купец взял с собой пятьдесят золотых монет, решив под-нести их мудрецу. Когда он вошел в приемный зал и увидел Мауляну, его охватило волнение.

Джалалуддин произнес:

– Твои пятьдесят золотых приняты, но ты потерял двести, и это привело тебя сюда. Бог наказал тебя, но он также показал тебе нечто. Теперь все у тебя наладится.

Проницательность Руми изумила купца.

Руми продолжал:

– Тебе пришлось испытать много трудностей за то, что ты однажды, далеко на западе, в христианском мире проходя мимо христианского дервиша, лежащего на улице, плюнул на него. Найди его, попроси прощения и передай ему наш привет.

Купец пришел в совершенное замешательство, увидев, что его душа -открытая книга для Руми.

– Смотри, – сказал Джалалуддин, – сейчас мы покажем его тебе.

С этими словами мастер прикоснулся к стене комнаты, и взору купца открылась базарная площадь в Европе с лежащим на ней святым. Купец ушел от мастера, глубоко потрясенный.

Он немедленно отправился в Европу и нашел христианского мудреца лежащим на земле. Когда он приблизился, франкский дервиш сказал:

– Наш мастер Джалал связался со мной.

Купец взглянул в том направлении, куда указывал дервиш, и увидел, словно на картине, Джалалуддина, который пропел такие стихи:

– И для рубина, и для простой гальки — для всего есть место на его холме.

Возвратившись назад в Конию, купец передал поклон франкского святого Джалалу и обосновался в дервишской общине.

Современные академические исследователи немного прояснили, насколько Руми повлиял на западную мысль и литературу. Нет сомнения, что у него были западные ученики, кроме того, его истории появляются в сказках Г. Х. Андерсена, у Джестера Монорма и даже у Шекспира.

На востоке традиционно повторяется весьма важное утверждение о связи Руми с западными мистиками и мыслителями.

Настоящий вариант рассказа "Купец и христианский дервиш" взят из манускрипта Афлаки "Мунаджиб-аль-Арифин" ("Жития ранних дервишей ордена Мевлавийа", датируемого 1353 годом).

Золотое сокровище

Давным-давно жил-был купец по имени Абдул Малик. За его щедрость люди прозвали его Добрым человеком из Хоросана. Абдул Малик постоянно жертвовал

из своих несметных богатств на благотворительные цели и часто устраивал пиры для бедняков.

Но вот однажды он задумался над тем, что отдает только малую часть своих богатств и что истинная цена его щедрости ничтожна по сравнению с удовольствием, которое она ему доставляет. И он тут же решил раздать все до последнего гроша на благо людей.

Так Абдул Малик расстался со всем своим состоянием. Он освободился от всего, чем владел, ожидая встретить то, что при-готовила для него жизнь. Как-то во время медитации перед ним возникло странное видение: прямо на его глазах, словно вырастая из пола, стала вырисовываться фигура таинственного дервиша в залатанных одеждах.

– О Абдул Малик, добрый человек из Хоросана, – нараспев произнес дервиш, – я – твое реальное "я", теперь ставшее для тебя почти осязаемым потому, что ты проявил истинную щедрость, по сравнению с которой твоя репутация щедрого человека – ничто. И за это, а также за то, что ты сумел расстаться со своими богатствами, не думая о своем удовлетворении, я награждаю тебя из реального источника наград.

С этого дня я буду являться пред тобой каждый день в этом облике. Ты будешь ударять меня, и я буду превращаться в золотую статую. Ты можешь отламывать от статуи столько золота, сколько пожелаешь. И пусть тебя не беспокоит, что этим ты принесешь мне ущерб, ибо сколько бы ты ни взял, все это будет восстанавливаться из источника всех даров.

Сказав это, он исчез.

На следующее утро Малика пришел навестить его друг Бай Ака. Только они уселись, перед ними возник призрак дервиша. Малик ударил его палкой, и дервиш, повалившись на пол, превратился в золото. Немного золота Малик взял себе и немного подарил своему гостю.

Возвратившись к себе домой, Бай Акал, не зная, что всему этому предшествовало, стал думать, как бы и ему совершить подобное чудо. Он много слышал о чудесных силах дервишей и пришел к такому выводу: чтобы заполучить золото, достаточно избить дервиша.

Бай Ака во всеуслышание объявил, что устраивает богатый пир, на который приглашаются все желающие дервиши.

В назначенный день к дому Бай Ака потекли толпы дервишей. Усадив всех за стол, он стал их обильно потчевать, пока они не наелись досыта. Затем он схватил железный прут и принялся лупить их так, что направо и налево падали избитые и покалеченные тела. Наконец, нескольким дервишам удалось схватить безумца, и они привели его к судье. Дервиши предъявили Бай Ака обвинение и в доказательство представили своих раненых собратьев. Бай Ака стал оправдываться и рассказал все, что случилось в доме Малика.

Малика вызвали в суд. Но по дороге его золотое "я" нашептало ему, что говорить судье.

Представ перед судом, он сказал:

– С вашего позволения, замечу, что, по-моему, этот человек сошел с ума или пытается как-то оправдать свою склонность нападать на людей без причины. Я в самом деле его знаю, но все то, что он рассказывает, совершенно не соответствует действительности.

Итак, Бай Ака поместили в сумасшедший дом, и там он пробыл некоторое время, пока не успокоился. Дервиши почти тут же выздоровели благодаря какой-то известной им науке. И никто не верил, что такое изумительное событие, как превращение человека в золотую статую, могло когда-либо случиться.

А Малик всю остальную жизнь, пока не отправился к своим предкам, продолжал разбивать статую, которая была им самим, и раздавать сокровища своего "я" тем, кому он мог помочь только материально.

Дервишская традиция говорит о том, что священники передают свои морально-возвышенные учения в иносказательной форме, но дервиши скрывают свои учения еще лучше, так как только усилия человека к пониманию или усилия со стороны обучающего мастера создадут эффект, который действительно поможет внутреннему изменению изучающего.

Эта сказка еще больше походит на притчу, чем большинство ей подобных. Но дервиш, который рассказывал ее на базарах Пешавара, в начале XIX века, предупреждал: "Размышляй над первой частью рассказа, – там ты найдешь метод, не обращай внимания на мораль".

Железный подсвечник

Однажды, давным-давно, одна бедная вдова сидела у окна в своем доме и глядела на улицу, как вдруг увидела убогого дервиша, устало плетущегося по дороге. Его изможденный вид, залатанная одежда, покрытая пылью, вызывали к нему сострадание и требовали участия.

Выбежав из дома, женщина окликнула дервиша:

– Благородный дервиш, – обратилась она к нему, – я знаю, что ты один из избранных. Но иногда даже такие ничтожные, как я, могут оказаться полезными ищущим. Войди в мой дом и отдохни немного, ибо сказано: "Тому, кто помогает друзьям, будет послана помощь, а тот, кто помешает им, встретит препятствие на своем пути, но как это случится и когда, людям неизвестно".

– Благодарю тебя, добрая женщина, – ответил дервиш и вошел в дом. Он провел у нее несколько дней и за это время прекрасно отдохнул и восстановил свои силы.

У вдовы был сын по имени Абдулла, который всю свою жизнь только тем и занимался, что рубил лес и отвозил дрова на ближайший базар. Будущее не сулило ему никаких счастливых изменений; работа дровосека отнимала все его время и не давала ему возможности обогатить свой жизненный опыт настолько, чтобы выбраться из бедности.

Когда дервиш стал собираться в дорогу, он сказал Абдулле:

– Сын мой, я – человек знания, хотя и могу выглядеть беспомощным в этом мире, зато одарен вниманием и могу видеть то, чего не видят другие. Если твоя мать не возражает, стань моим спутником, и я разделю с тобой те великие

благоприятные возможности, которые встретятся на пути.

Мать была рада позволить своему сыну сопровождать мудреца, и они вместе отправились в путь.

Они прошли много стран и встретили на пути множество испытаний.

Но вот однажды дервиш сказал:

– Абдулла, мы пришли к нашей цели. Сейчас я совершу особые ритуалы, и если высшие силы отнесутся к нам благо-склонно, мы увидим то, что открывается лишь немногим людям: земля расступится перед нами и откроет доступ к сокровищам, спрятанным здесь много лет назад. Нет ли в тебе страха, мой друг?

Абдулла поклялся быть стойким, что бы ни случилось.

Тогда дервиш стал совершать какие-то странные движения и произносить непонятные слова, которые Абдулла повторял за ним, вдруг земля заколебалась, и перед ними открылся вход в подземелье.

– Теперь, мой мальчик, слушай меня внимательно, – сказал дервиш. – Ты должен спуститься в это подземелье и найти там железный подсвечник. Ты увидишь там дивные сокровища, подобные которым редко удастся увидеть смертному, но ни к чему не прикасайся, помни, что твоя единственная цель – железный подсвечник. Как только ты его найдешь, возвращайся назад.

Спустившись в сокровищницу, Абдулла был ошеломлен, столько там было сверкающих драгоценных камней, золотой посуды, удивительных богатств, которые невозможно описать. Позабыв все наставления дервиша, он принялся подбирать самые красивые и блестящие камни, как вдруг наткнулся на подсвечник.

"Ничего страшного не случится", – решил Абдулла, если, взяв подсвечник для дервиша, он припрячет для себя немного золота и драгоценных камней. Итак, наполнив свои широкие рукава сокровищами, он стал подниматься по ступенькам вверх.

Но когда он выбрался на поверхность, то с удивлением увидел перед собой свою лачугу, а дервиш исчез без следа.

Абдулла поспешил к матери, чтобы скорее показать ей сокровища, но как только он высыпал их перед нею, они вдруг стали таять и пропали. Остался только подсвечник. Он внимательно рассмотрел его. Подсвечник был с двенадцатью свечами. Абдулла зажег одну из них – и тут же перед ним возникла фигура, похожая на дервиша. Видение покружилось немного, потом положило на землю монету и исчезло. Тогда он зажег все двенадцать свечей, двенадцать дервишей предстали перед ним. Целый час они выполняли какие-то ритмичные движения и прежде, чем исчезнуть, бросили ему двенадцать монет. Придя в себя от изумления, Абдулла и его мать поняли, что теперь могут неплохо зажить, если танцующие дервиши будут каждый день приносить им по двенадцать монет.

Но прошло какое-то время, и Абдулла, вспомнив о несметных сокровищах, которые он видел в пещере, решил еще раз попробовать разбогатеть по-настоящему.

Он долго искал то место, где был вход в подземелье, но никак не мог найти его. Желание найти богатство, однако, не давало ему покоя. Он пустился странствовать по свету и, исходив много дорог, подошел к великолепному дворцу. Слуги провели его в роскошный зал, и он был весьма обрадован и удивлен, увидев там того самого дервиша, которому когда-то помогла его мать. Дервиш был в царских одеждах, и его окружали толпы учеников.

– Сейчас, о неблагодарный, – произнес дервиш, – я покажу тебе, что может делать этот подсвечник.

С этими словами он схватил палку и ударил по подсвечнику. Тут каждая ветвь подсвечника превратилась в сокровища, превосходившие собой все то, что юноша видел в пещере. Дервиш стал раздавать золото, серебро и драгоценные камни достойным, и в этот миг произошло чудо: подсвечник вновь появился, готовый к новому использованию.

– Так как ты не можешь правильно использовать вещи, – сказал дервиш, – и так как ты не оправдал моего доверия, ты должен уйти от меня. Но за то, что ты, по крайней мере, вернул подсвечник, я дарю тебе верблюда, груженного золотом.

Ночь Абдулла провел во дворце, а утром, ухитрившись стащить подсвечник и спрятав его под седлом верблюда, пустился в обратный путь.

Возвратившись домой, он зажег свечи и ударил по подсвечнику палкой. Но так как он невнимательно следил за действиями дервиша, то вместо того, чтобы взять палку в правую руку, он взял ее в левую. Тут же появились двенадцать дервишей. В один миг они подняли верблюда, груженного золотом и драгоценностями, подхватили подсвечник и растворились в воздухе.

Абдулле стало еще тяжелее, ибо он не мог простить себе глупости и неблагодарности, непрестанно казнил себя за воровство и до конца своей жизни не мог забыть о том, что находился в такой близости к богатству.

Но другая возможность ему уже больше не представилась, и он навсегда потерял покой.

Эта сказка используется в суфийских школах как "упражнение для развития" буквально мыслящих учеников.

Она указывает в скрытой форме на определенные упражнения и содержит в себе идею о том, что люди, пытающиеся выполнять мистические процедуры, не преодолев в себе некоторых личных склонностей, достигнут результатов, противоположных тем, которые они ожидали.

Ударь в этом месте

Дун-Нун Египетский использовал притчу, чтобы на наглядном примере показать, как ему удалось расшифровать значение египетских надписей.

В одном месте стояла статуя человека, указывавшего пальцем на что-то. Статуя стояла на массивном камне с выбитой на нем надписью: "Ударь в этом месте, чтобы овладеть сокровищами". Происхождение статуи терялось в далекой древности. Из поколения в поколение люди колотили по камню, отмеченному надписью, но камень был такой твердой породы, что даже самые сильные удары

не оставляли на нем ни единой царапины, и эту тайну никто не мог разгадать.

Однажды, это было в полдень, Дун-Нун, размышляя о статуе, обратил внимание на то, что тень от указующего пальца каменного человека (никто в течение веков не замечал этого) легла на одну из плит мостовой, служившей основанием древнего изваяния. Он отметил это место, затем раздобыл необходимые инструменты и приподнял плиту; перед ним открылся вход в подземелье, в котором оказались чудесные произведения искусства. Исследовав их, он открыл науку их изготовления, давно забытую людьми, и таким образом овладел сокровищами древнего знания и материальными творениями, воплощающими эти знания.

Почти такую же историю рассказал римский папа Сильвестр II, который в X веке привез из испанской Севильи "арабские" учения, в том числе и математику.

Слывя магом, благодаря своим мистическим достижениям, Герберт (таким было его первоначальное имя), "жил с одним философом из сарацинской секты".

Нет почти никакого сомнения, что он знал эту суфийскую историю.

Говорят, что впервые ее передал халиф Абу Бакр аль-Шадик.

Почему глиняные птицы взлетели

Однажды Иисус, сын Марии, будучи еще ребенком, вылепил из глины маленьких птиц. Увидев это, другие дети, не умевшие лепить птиц, побежали к взрослым и пожаловались на него.

Взрослые сказали:

– Непозволительно заниматься такими делами в святой день, – ибо это было в субботу.

И они направились к луже, у которой играл Иисус, и, подойдя к нему, спросили, где вылепленные им птицы.

В ответ Иисус указал на глиняных птиц, и в тот же миг птицы взлетели в воздух и улетели прочь.

– Сделать летающих птиц невозможно, а значит, он не нарушил субботы, – сказал один из взрослых.

– Я хотел бы овладеть этим искусством, – сказал другой.

– Это не искусство, – возразил третий, – обыкновенный трюк, зрительный обман и ничего больше.

Итак, суббота не была нарушена, волшебное искусство так и осталось никому не известным, а что касается обмана, то взрослые, как и дети, обманули себя сами, потому что не ведали, с какой целью были вылеплены птицы.

То, что в субботу запрещалось чем бы то ни было заниматься, имело причину, которая была давно позабыта. Взрослые не знали того, как отличить истину от лжи. Происхождение волшебного искусства и цель сотворенного чуда были им совершенно не известны. Поэтому все это не имело для них никаких последствий, как было и с вытягиванием деревянной доски.

Рассказывают, что однажды Иисус помогал Иосифу-плотнику в его мастерской.

Одна доска оказалась слишком короткой, и тогда Иисус каким-то образом вытянул ее до требуемой величины.

Когда эту историю рассказали людям, они сказали: "Но это же настоящее чудо, поэтому этот мальчик непременно станет святым".

Другие сказали: "Мы не поверим в это до тех пор, пока не увидим все своими глазами".

"Этого не может быть, – сказали третьи, – потому что этого не может быть никогда. Эту историю надо исключить из книг".

Все эти люди с их различными мнениями отнеслись совершенно одинаково к этой истории, потому что цель и смысл утверждения "он растянул доску" были им неизвестны.

Суфийские авторы часто ссылаются на Иисуса, как на мастера пути. Существует, кроме того, невообразимое множество устных преданий о нем, популярных на Среднем Востоке, которые еще ожидают собирателя.

В несколько измененном виде эту историю можно встретить во многих дервишских коллекциях. Суфии говорят, что "сын плотника" и другие названия евангельских персонажей по роду профессии представляют собой термины посвяtitельного значения и не всегда указывают на социальное занятие человека.

Комар Намус и слон

Давным-давно жил-был комар по имени Намус, который за свой тонкий ум был прозван Проницательным. Однажды, поразмыслив о своей жизни и руководствуясь весьма благовидными и вескими причинами, Намус решил сменить жилище. Своим новым пристанищем он избрал ухо одного слона, ибо дом такого рода казался ему самым подходящим и удобным.

Итак, осталось только осуществить задуманное и вскоре Намус обосновался в просторном и очень уютном ухе.

Спустя какое-то время, Намус произвел несколько поколений комаров. В его жизни периоды напряженного труда чередовались с периодами отдыха и покоя, радость сменялась печалью, поиски увенчивались достижениями, словом, судьба его ничем не отличалась от судеб других комаров.

Ухо слона было его домом и, как бывает в таких случаях, он чувствовал, что вся его жизнь, его история, само его существо неразрывно связаны с этим местом. Это ощущение он постоянно поддерживал в себе, пока оно не стало частью его самого. Ухо было таким теплым, таким уютным, таким просторным. Здесь ему

довелось так много всего пережить...

Переезжая в этот дом, Намус, естественно, не обошелся без приличествующих случаю церемоний вежливости. Прежде чем въехать в новое жилище, он изо всей мочи пропищал слону о своем решении.

– О слон, – закричал он, – знай, что никто иной, как я, комар Намус, по прозвищу Проницательный, собираюсь поселиться здесь. Но так как это твое ухо, то я желая соблюсти обычай, сообщаю тебе о моем решении.

Слон не возразил.

И Намус вселился, даже не подозревая, что слон его попросту не услышал. И если уж быть справедливым, то слон и не почувствовал вселения комара с его многочисленным семейством в свое ухо. Будучи от природы неучтивым созданием, он даже не знал о существовании какого-то там комара.

Но вот прошло какое-то время, и Намус, побуждаемый вескими причинами, решил снова сменить свое жилище.

Как и в начале, он решил, что сделать это он вправе только в соответствии с установленной и освященной веками традицией.

Он заранее стал готовиться к тому, чтобы объявить слону свое решение – покинуть ухо.

Итак, окончательно уверившись в своем решении и хорошо отрепетировав прощальный монолог, он прокричал его слону в самое ухо. Но не получил никакого ответа. Он крикнул еще раз, но слон по-прежнему хранил молчание. Тогда Намус, полный решимости заставить все-таки слона услышать его назойливые, но красноречивые слова, набрал полную грудь воздуха и в третий раз прокричал:

– О слон, знай, что я, Проницательный, намерен покинуть свой очаг и дом в твоём ухе, в котором я так долго прожил. И для этого у меня есть вполне веские основания, и я хочу их тебе изложить.

Наконец, слова комара достигли слуха слона, и он сумел их разобрать. Пока он их обдумывал, комар продолжал:

– Что ты мне ответишь на это? Каково твое мнение об этом?

Слон медленно поднял свою огромную голову и протрубил:

– Ступай с миром, ибо твой уход имеет для меня такое же значение, какое имел твой приход.

Эта сказка о Проницательном, на первый взгляд может показаться язвительным намеком на предполагаемую бесполезность жизни. Такое понимание сказки, сказал бы суфий, говорит о невосприимчивости читателя.

Что по внутреннему смыслу должно быть подчеркнуто в этой истории, так это основной недостаток человеческих суждений об относительной значимости жизненных ценностей.

Человек полагает, что вещи, имеющие большое значение – неважны, тогда как обыденное, по его мнению, – существенно.

Эта история приписывается шейху Маламати Мактулу. Он основал орден Маламатийа.

Идиот, мудрый человек и кувшин

Идиотом может быть назван обычный человек, который склонен неверно истолковывать то, что случается с ним, что делает он сам или что делается другими. Причем он дает этому столь правдоподобные объяснения для себя и себе подобных, что мир, в котором он живет, кажется логически завершенным и истинным.

Такому идиоту однажды вручили кувшин и послали за вином к одному мудрому человеку.

По дороге он из-за своей невнимательности, споткнулся о камень, упал и разбил кувшин.

Придя к мудрецу, он показал ему ручку от кувшина и сказал:

- Такой-то человек послал вам этот кувшин, но злой и ужасный камень украл его у меня по пути сюда.

Эти слова весьма рассмешили мудрого человека, но желая все-таки проверить последовательность мышления идиота, он спросил:

- Если кувшин украли, зачем же ты принес ручку от него?

- Я не так глуп, как думают люди, - ответил идиот, - я принес тебе ручку в доказательство моих слов.

Среди дервишских учителей время от времени повторяется, что человек, как правило, не в состоянии раскрыть внутреннее направление событий, которое дало бы ему возможность в полной мере пользоваться своей жизнью.

Эта история, представленная английской аудитории Колонелом Вилнберфорсом Клаоком ("Диван-и-Хафиз"), типична для суфийской литературы. Существует утверждение, что освоившие эту доктрину через подобные карикатурные иллюстрации, некоторые люди могут "повысить свою чувствительность" и постичь внутренний ход событий.

Приводимый здесь вариант взят из дервишской коллекции, приписываемой Пир-и-ду-Сара, "обладателю золотой одежды".

Своенравная принцесса

Некогда жил-был один султан. Все, чему его научили с детства и во что он верил, было для него несомненной истиной. Но сам он был ограниченным и недалеким человеком, хотя во многом был справедлив.

У него было три дочери.

Однажды он призвал их к себе и сказал:

– Все, чем я владею, принадлежит или будет принадлежать вам. От меня вы получили жизнь. Только от меня зависит ваше будущее, а, значит, и ваша судьба.

Две старшие дочери, полные признательности и доверия к его словам, согласились с ним.

Но третья дочь, самая младшая, сказала:

– Хотя долг обязывает меня повиноваться тебе, все же не могу поверить в то, что моя судьба всегда должна зависеть от твоей воли.

– Мы проверим это, – сказал султан и тут же приказал заточить девушку в маленькую келью. В своей тюрьме принцесса провела несколько лет, в то время как ее послушные сестры привольно жили и наслаждались богатствами, которые могли бы принадлежать и ей.

Заточив свою дочь, султан сказал себе: "Моя дочь томится в келье по моей воле, а не по своей. Это в полной мере доказывает для всякого здравомыслящего ума, что не от нее, а именно от меня зависит ее судьба".

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/shah_idris/skazki-dervishey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)